

Литургія въ первые вѣка христіанства.

(Изъ лекцій † проф. А. П. Голубцова).

III.

(Окончаніе.)

Появленіе литургійныхъ записей; дѣленіе ихъ на группы. Литургія египетско-александрійской отрасли и сирійско-палестинской; литургія Апостольскихъ Постановленій и литургія, извѣстная съ именемъ апостола Якова.

Мы довели изложеніе литургіи до IV вѣка и объяснили тѣ главныя дополненія, которыя привзошли въ нее въ III вѣкѣ. Слѣдить за дальнѣйшимъ ея развитіемъ исключительно по указаніямъ церковныхъ писателей IV и послѣдующихъ вѣковъ нѣтъ нужды. Отъ этого времени уже имѣются полныя записи литургій, принадлежащихъ разнымъ церковнымъ областямъ, представляющія (записи) въ болѣе цѣльномъ и полномъ видѣ то, что намъ предстояло бы собирать и притомъ съ значительными пробѣлами изъ отеческой литературы того времени. А потому мы перейдемъ теперь къ изученію литургіи по древнѣйшимъ ея записямъ и будемъ слѣдить за ея содержаніемъ и развитіемъ по этимъ новымъ источникамъ.

Съ образованіемъ самостоятельныхъ центровъ церковной жизни литургія начинаетъ локализоваться, то-есть приурочиваться къ опредѣленнымъ мѣстностямъ христіанскаго міра или, лучше сказать, къ извѣстнымъ административнымъ центрамъ его, и здѣсь подвергается детальной обработкѣ, принимаетъ новыя дополненія и измѣненія. Здѣсь мы имѣемъ періодъ строгой дисциплинарной работы надъ ея содержаніемъ, очень важный по своимъ задачамъ и очень богатый по своимъ историческимъ послѣдствіямъ. Въ это время литургіи мѣстныхъ общинъ начинаютъ подчиняться вліянію

церковнаго строя главной области или митрополичьихъ городовъ, и появляются первыя литургійныя записи. Но, къ сожалѣнію, исторія не отмѣтила точно первыхъ страницъ этого періода. Первыя записи литургій остались въ тѣни и не освѣщены современными источниками, такъ что и до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ, когда именно появились первыя опыты этого рода, въ какомъ видѣ и въ какой мѣстности. Многовѣковый промежутокъ отдѣляетъ насъ отъ этой эпохи, такъ что изслѣдователямъ приходится возстановлять эту работу уже по памятникамъ позднѣйшаго времени, испытавшимъ на себѣ много постороннихъ вліяній, вследствие чего первоначальная, подлинная основа литургій затерялась въ массѣ позднѣйшихъ подробностей и утратила свой примитивный видъ. Въ настоящее время мы имѣемъ очень много такихъ записей. Всѣ онѣ представляютъ болѣе или менѣе значительныя разности въ изложеніи, расходятся въ подробностяхъ обряда, являются подъ различными именами извѣстныхъ лицъ церковнаго міра и употреблялись въ различныхъ мѣстностяхъ какъ на востокъ, такъ и на западѣ. Мы будемъ имѣть дѣло съ литургіями восточными. Всѣ существующія теперь ихъ записи принято дѣлить по мѣсту ихъ происхожденія и употребленія на двѣ главныхъ группы или отрасли: египетско-александрійскую и сирійско-палестинскую; къ послѣдней, какъ особенный видъ, примыкаетъ группа литургій церкви Константинопольской—мало-азійская и византійская.

Первая группа обнимаетъ литургіи, бывшія въ употребленіи въ Александрійскомъ патріархатѣ, и заключаетъ три рода записей: греческія, коптскія и арабскія. Древнее населеніе Египта слагалось изъ двухъ элементовъ: пришлаго греческаго—болѣе образованнаго, который держался въ Александріи и употреблялъ языкъ своей культурной націи; другой этнографической элементъ представляли туземцы, говорившіе на своемъ мѣстномъ нарѣчій. Вначалѣ и тотъ и другой языки имѣли равныя права въ литургической практикѣ, но затѣмъ Александрія, какъ митрополичій городъ, получила перевѣсъ, и греческій языкъ сдѣлался официально-церковнымъ, на которомъ и изложена была самая литургія. До того же времени она или вся читалась для туземцевъ на коптскомъ языкѣ; или, справляясь на греческомъ, пере-

водилась на туземный языкъ въ частяхъ и молитвахъ, наиболѣе важныхъ и требовавшихъ сознательнаго отношенія къ себѣ. Это явленіе составляетъ довольно обычный пріемъ, которымъ пользовались для примѣненія къ мѣстнымъ потребностямъ официального литургическаго языка, и извѣстно подъ именемъ ерминіи, или объясненія. Послѣ того, какъ Діоскоръ, будучи Александрійскимъ патріархомъ, составилъ послѣ Халкидонскаго собора оппозицію противъ православной стороны и поддержалъ монофизитовъ, копты—такъ стали называться теперь египетскіе монофизиты—стали тѣснить грековъ, поставили своего патріарха, преслѣдовали греческихъ священниковъ и изгнали изъ богослужебнаго употребленія греческій языкъ, замѣнивъ его туземнымъ коптскимъ. Еще далѣе копты, въ видахъ оппозиціи правительству, передались арабамъ, введшимъ у нихъ свой языкъ. Вслѣдствіе этихъ условій записи литургій египетско-александрійской отрасли дошли до насъ на греческомъ, коптскомъ и арабскомъ языкахъ. Всѣ онѣ въ главныхъ частяхъ очень сходны между собою, но въ то же время всѣ онѣ носятъ на себѣ слѣды позднѣйшихъ дополненій и измѣненій, такъ что вопросъ о прототипѣ этихъ литургійныхъ записей становится чрезвычайно затруднительнымъ—точно такъ же, какъ и рѣшеніе вопроса о взаимномъ отношеніи литургій коптскихъ къ греческимъ. Историческая критика склоняется къ тому заключенію, что основною записью для всѣхъ ихъ былъ какой-либо греческій подлинникъ, съ котораго былъ сдѣланъ переводъ на коптскій и арабскій языки, а не наоборотъ. Сохранилась ли до насъ такая древнѣйшая запись александрійской литургіи, которая могла бы служить точкою отправления и опоры для обозрѣнія и оцѣнки дошедшихъ до насъ списковъ этой литургійной отрасли, служить ихъ первоосновой? Этой первоосновы мы не знаемъ, и приурочивать ее къ тому или другому изъ сохранившихся списковъ нѣтъ сильныхъ и неоспоримыхъ основаній. Изъ многочисленныхъ списковъ литургій египетско-александрійской отрасли особеннымъ значеніемъ въ наукъ пользуются всего четыре, изъ которыхъ одинъ греческій и три коптскіе. Первый списокъ есть такъ называемая *литургія св. апостола и евангелиста Марка*, сдѣлавшаяся извѣстною въ ученомъ мірѣ съ 1583 года, когда парижскій каноникъ Іоаннъ а. s. Andrea

нашелъ ее въ Южной Италиі, именно, въ Калабріи, въ Оди-
гитріевскомъ монастырѣ, и издалъ въ Парижѣ. Въ этомъ
кодексѣ X вѣка найдены были и три коптскія литургіи съ
именами: Василия В., Григорія Назіанзена и Кириллы Але-
ксандрійскаго. Последняя коптская литургійная запись
имѣетъ значительное сходство съ такъ называемою грече-
скою литургіею еванг. Марка. Затѣмъ, въ концѣ XVII в.,
нѣкто Людольфъ (въ 1691 году) открылъ (въ коптскомъ, или
эіопскомъ, кодексѣ Апостольскихъ Постановленій), перевелъ
на латинскій языкъ и издалъ въ своемъ сочиненіи: *Historia*
aethiopica очень краткій по составу текстъ литургіи еванг.
Марка, который въ сравнительно недавнее время былъ при-
нятъ Бунзеномъ за древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ тек-
стовъ литургіи и имъ положенъ въ основу критическихъ
соображеній при сравненіи съ другими болѣе полными запи-
сями. Съ изданія поименованныхъ нами списковъ, собственно
говоря, и является на свѣтъ вопросъ о происхожденіи гре-
ческой литургіи—вопросъ, который перешелъ теперь въ бо-
лѣ спеціальныи и касается уже генезиса литургій египет-
ско-александрійской отрасли, ея древнѣйшей, примитивной
записи. Не считая вмѣстѣ съ Бунзеномъ Людольфова списка
образцомъ древнѣйшей редакціи апостольской литургіи, мы
вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе ученаго, что списокъ этотъ мо-
жетъ служить основнымъ при обзорѣнн и оцѣнкѣ другихъ
литургійныхъ списковъ египетско-александрійской отрасли.
Познакомимся поэтому ближе съ Людольфовымъ спискомъ
литургіи и сличимъ его съ позднѣйшими литургіями на-
званной фамиліи.

Какъ и всѣ древнія литургіи, разсматриваемый списокъ
начинается съ *praefatio*, т.-е. приглашеніемъ священника послѣ
того, какъ присутствующіе привѣтствовали другъ друга цѣ-
лованіемъ мира. Священникъ говоритъ: Господь со всѣми
вами. Народъ: и со духомъ твоимъ. Священникъ: возвысьте
сердца ваши. Народъ: они предъ Господомъ Богомъ нашимъ.
Священникъ: благодаримъ Господа. Народъ: достойно и пра-
ведно. Затѣмъ слѣдуетъ молитва евхаристіи, предшествуе-
мая слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Затѣмъ присутствующіе
произносятъ евхаристическую молитву, слѣдуя за словами
епископа“. Вотъ эта молитва, очень краткая по объему, очень
простая по содержанію и вполнѣ примѣнимая къ духу

перво-христіанской церкви: „Благодаримъ тебя, Господи, чрезъ возлюбленнаго Сына Твоего Иисуса Христа, Котораго въ послѣдніе дни Ты послалъ намъ Спасителемъ и Испытателемъ и Ангеломъ совѣта Твоего. Онъ есть Слово, Которое изъ Тебя, и чрезъ Которое Ты все содѣлалъ по волѣ Своей. Ты послалъ Его съ неба *во чрево Дѣвы*. Онъ сдѣлался плотію, и былъ носимъ во чревѣ Ея и явился Сыномъ Твоимъ, да исполнить волю Твою и совершить народъ Твой, простерши на крестѣ руки Свои. Онъ пострадалъ, чтобъ освободить страждущихъ, которые уповаютъ на Тебя. Онъ преданъ былъ по волѣ Своей, да уничтожить смерть, разрѣшить узы сатаны, попретъ адъ, изведетъ съ Собою святыхъ и явить воскресеніе“. Затѣмъ слѣдуетъ воспоминаніе о совершеніи Христомъ тайной вечери, и приводятся слова установленія, при чемъ нельзя не замѣтить какъ бы нѣкотораго перерыва между изложенною нами молитвою и слѣдующими словами. Вотъ буквальное ихъ чтеніе: „Итакъ, принявши хлѣбъ, возблагодарилъ и сказалъ: примите, ядите... сіе творите въ Мое воспоминаніе.“ (Не пропущены ли слова: святъ..?) Это вторая молитва канона евхаристіи. Третья, слѣдующая непосредственно за этою, заключаетъ призываніе Св. Духа и славословіе и соотвѣтствуетъ нашей молитвѣ освященія даровъ. Вотъ текстъ этой послѣдней: „Итакъ, воспоминаая Его смерть и воскресеніе, мы приносимъ сей хлѣбъ и чашу, благодаря Тебя за то, что Ты сдѣлалъ насъ достойными предстоять Тебѣ и совершать предъ Тобою *сіе священническое служеніе*—*ut sacerdotio tibi fungamur* ¹⁾, и усердно молимъ: ниспосли Духа Твоего Святаго на приношеніе сей церкви—*super oblationes hujus ecclesiae*“. Въ этихъ словахъ содержится указаніе на добровольные дары христіанъ *сей церкви*. Дальнѣйшихъ словъ, содержащихъ молитву о преложеніи даровъ нѣтъ, а просто говорится: „даруй тѣмъ, которые приемятъ дары сіи, освященіе, исполненіе Св. Духомъ, утвержденіе въ вѣрѣ и въ истинѣ“. Затѣмъ приводится краткое славословіе, на которое народъ отвѣчаетъ: „какъ было, такъ и есть и будетъ въ роды родовъ, во вѣки вѣковъ; аминь.“ За этою молитвою читаются въ Людольфовомъ изданіи слѣдующія, прибавимъ

¹⁾ Въ этихъ словахъ нельзя не замѣтить слѣдовъ древне-христіанскаго воззрѣнія на всеобщее священство.

отъ себя, очень интересныя и характеристичныя строки. Вотъ онѣ: „О приношеніи елея. Кто приноситъ елей во время евхаристіи, (то) произноситъ надъ нимъ благодареніе такъ же, какъ надъ хлѣбомъ и виномъ“. Извѣстно, что между позволительными предметами церковныхъ приношеній считался и елей; онъ употреблялся на приготовленіе мѣра и для другихъ богослужебныхъ нуждъ, и надъ нимъ, какъ видно, произносилась особенная молитва, и при томъ, судя по смыслу приведенныхъ словъ, произносилась эта молитва во время евхаристіи и, повидимому, самими же приносителями (фактъ, изъ котораго очень осязательно открывается великое участіе общины въ совершеніи богослуженія). Еще важнѣе другое дополненіе; говорится: „а кто не станетъ употреблять этихъ словъ (т.-е. указанной формулы освященія даровъ), можетъ благодарить по своей силѣ, употребляя другія выраженія“. Замѣчательный фактъ въ подтвержденіе первоначальной свободы въ изложеніи молитвы евхаристіи—свободы, имѣвшей, безъ сомнѣнія, болѣе широкое приложеніе къ другимъ молитвамъ. Послѣ словъ освященія и призванія Св. Духа священникъ произноситъ краткую молитву „о неосужденномъ принятіи св. таинъ“. Діаконъ возглашалъ: молитесь. Священникъ произноситъ другую молитву подобнаго предъидущей содержанія. Затѣмъ, послѣ возгласа діакона: преклоните главы ваши, предстоящіе! слѣдуетъ новая молитва надъ преклонившими главы. Діаконъ: будемъ внимательны (*respiciamus*), или: поднимемъ глаза *ad orientem*. Священникъ: святая святымъ; народъ: единъ святъ Отецъ, единъ святъ Сынъ, единъ есть святъ Духъ Святой. Затѣмъ происходитъ самое приобщеніе, во время котораго поютъ гимнъ хвалы (*attolunt humnum laudis*),—не извѣстно, какого содержанія. Какъ совершалось приобщеніе, не говорится, а все дѣло ограничивается краткимъ замѣчаніемъ: „и приступаетъ народъ, принимая врачевство, которымъ отпускаются грѣхи души его“. За причащеніемъ слѣдуютъ двѣ краткія молитвы: одна благодарственная, другая отпущительная. Въ заключеніе священникъ говоритъ: Господь со всѣми вами. Народъ отвѣчаетъ: и со духомъ твоимъ. Священникъ: отыдите съ миромъ. Тѣмъ евхаристія кончается.—Такова формула литургіи, сохраненная въ одной изъ древнѣйшихъ ея редакцій, относимой Бузезеномъ къ половинѣ 2-го вѣка. Если сравнимъ ея содержаніе

съ тѣмъ, что намъ извѣстно о составѣ канона евхаристіи изъ Іустина, то она, какъ нельзя лучше, подойдетъ къ этой схемѣ. Отсутствие внѣшнихъ украшеній, простота и несложность говорить въ пользу ея древности. Далѣе въ ней преобладаетъ понятіе объ евхаристіи, какъ о дарахъ и приношеніи церкви, ничего не говорится о молитвахъ святыхъ за насъ, нѣтъ эпитетовъ: *Θεοτόκος*, *διοούσιος* и другихъ, выработанныхъ въ богословской литературѣ позднѣйшаго времени. Присутствующіе принимаютъ непосредственное участіе въ совершеніи таинства. Все это заставляетъ видѣть насъ въ краткой редакціи Людольфовой литургіи документъ очень древній, а потому и очень важный для заключеній о строѣ перво-христіанской литургіи. Имѣя такое сильное завѣреніе въ его подлинности и древности, мы уже приобретаемъ нѣкоторую точку опоры для оцѣнки другихъ списковъ или редакцій литургій александрійской отрасли и получаемъ нѣкоторую возможность чрезъ сравненіе съ настоящимъ документомъ возстановить себѣ приблизительно-первоначальный, подлинный, ихъ видъ.

О составѣ прочихъ списковъ литургіи александрійской фамиліи нужно замѣтить, что они принадлежатъ тому времени, когда и первая часть литургіи сформировалась уже настолько, что могла быть записана въ послѣдовательномъ порядкѣ и была обставлена нѣкоторыми обрядовыми подробностями, какъ напримѣръ: приготовленіемъ священника къ совершенію литургіи, приготовленіемъ жертвенника для проскомидіи, молитвой ѳиміама, молитвами передъ чтеніемъ апостола и евангелія, молитвами малаго входа и многими другими. Это значительное расширеніе первой части литургіи до *ενασφορά* въ прочихъ литургійныхъ спискахъ александрійской фамиліи даетъ понять, что мы имѣемъ дѣло съ поздними записями, хотя образовавшимися на древней основѣ, но изложенными уже съ дополненіями отъ VI—VII вѣковъ. Если мы возьмемъ для оцѣнки запись литургіи Марка по Калабрійскому списку и сопоставимъ ее съ разсмотрѣннымъ Людольфовымъ спискомъ, то увидимъ, что въ ней рѣзко выдаются двѣ разновременныя черты, проходятъ два параллельныя теченія, искусственно объединенныя въ одной уже позднѣйшей записи. Здѣсь замѣчаются элементы литургическаго строя времени Іустина и черты позд-

нѣйшихъ литургическихъ и историческихъ представлений, нашедшія себѣ выраженіе преимущественно въ первой общей части литургіи. Это потому, что первая часть установилась и стала записываться позднѣе *синафорѣ*, или канона евхаристіи. Но и молитвы второй части не остались свободными отъ дополненій позднѣйшей руки. Приведемъ нѣсколько такихъ параллелей, чтобы видѣть, въ чемъ и какъ выразился здѣсь сборный, эклектичeskій характеръ записи, что въ ней сохранилось отъ глубокой древности и что привзошло и было внесено подъ вліяніемъ новыхъ литургическихъ и историческихъ условій. Вотъ, на примѣръ, молитва о живыхъ и умершихъ въ канонѣ евхаристіи. Она носитъ слѣды глубокой древности и читается буквально такъ: „Упокой, Господи Боже нашъ, души усопшихъ въ вѣрѣ Христовой отцовъ и братій, помянувши отъ вѣка (то-есть отъ самаго начала міра) отшедшихъ праотцевъ, отцевъ, патриарховъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, исповѣдниковъ, епископовъ, преподобныхъ (*δσίων*), праведныхъ и всякую душу, представившуюся въ вѣрѣ Христовой; помяни и тѣхъ, которыхъ память мы нынѣ совершаемъ и удостой ихъ царства небеснаго“. Эта молитва служитъ отголоскомъ того перво-христіанскаго воззрѣнія, которое въ виду искупительной жертвы Христовой, простирающейся на всѣхъ безъ исключенія, какъ бы сглаживало различіе между совершенными и несовершенными членами церкви: вспоминая о тѣхъ и другихъ предъ дарами евхаристіи, древняя церковь испрашивала обоимъ одно и то же упокоеніе души и выражала желаніе небеснаго блаженства. Кромѣ общеисторическихъ основаній, подтверждающихъ глубокую древность интересующей насъ молитвы, мы находимъ, что она почти что дословно повторяетъ выраженія Тертулліана и Оригена, не говоря уже о томъ, что передаетъ ихъ духъ. „Часто“, говоритъ, на примѣръ, послѣдній въ одной изъ своихъ бесѣдъ (Homil. XVI in Hieremiam c. 14), „мы произносимъ въ молитвахъ: *Боже Вседержителю, дай намъ часть съ пророками, дай намъ часть съ апостолами*“. Не говоря о другихъ обрядахъ и возгласеніяхъ, имѣющихъ древне-христіанское происхожденіе и вошедшихъ путемъ преданія въ составъ всѣхъ извѣстныхъ литургій, мы обратимъ теперь вниманіе на тѣ части и составные обряды, которые указываютъ на эклектиче-

скій характеръ нашей записи и побуждаютъ отнести ея настоящую редакцію къ VI—VII вѣку. Прежде всего надобно замѣтить, что литургія Марка по Калабрійскому списку представляетъ уже очень подробно развитую первую часть литургіи. Послѣдняя начинается въ ней возгласомъ священника: миръ всѣмъ, на который народъ отвѣчаетъ: и духу твоему. Діаконъ: молитесь; народъ: Господи помилуй, трижды. Эти формулы еще не заключаютъ въ себѣ ничего несообразнаго, и, по всей вѣроятности, такъ или почти такъ начиналась литургія въ древнія времена, какъ это можно видѣть изъ словъ Златоуста; но затѣмъ священникъ читаетъ молитву, въ которой упоминаетъ *о святой соборной и апостольской церкви*—формула, выработанная изъ позднѣйшаго ученія о церкви и чуждая перво-христіанскимъ временамъ. Въ заключительныхъ словахъ молитвы возсылается славословіе *едиородному Сыну съ пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Духомъ*. Но кому не ясно, что эта формула уже носитъ слѣды развитаго догматическаго ученія о третьей ипостаси Св. Троицы, а это не могло быть ранѣ IV вѣка. Вторая молитва литургіи просительная за царя; въ ней царь подразумевается уже христіанскій, потому что въ ней церковь молить Господа *даровать ему победы для славы святаго имени Его*. Третья молитва, предваряемая возгласеніемъ діакона: *молитесь*, заключаетъ прошеніе *о блаженнѣйшемъ архіерее и папѣ* (т.-е. Александрійскомъ патріархѣ, которому усвоено это названіе, по мнѣнію Вальсамона, не ранѣ Кирилла Александр.), епископахъ, пресвитерахъ, діаконахъ, иподіаконахъ, чтецахъ, пѣвцахъ и лицахъ монашествующихъ. Въ этомъ перечисленіи, указывающемъ на развитую систему іерархіи и на существованіе полного состава клириковъ *ordinis minoris*, нельзя также не видѣть позднѣйшаго нароста, явившагося не ранѣ IV вѣка. За четвертою молитвою поется: *Едиородный Сынъ*—пѣснь, составленіе которой приписывается императ. Юстиніану. Затѣмъ пѣснь: *Святыи Боже, херувимская пѣснь*, явившаяся во времена Юстина Младшаго (565—578), и великій входъ—все это несомнѣнные слѣды позднѣйшаго происхожденія. *Missa fidelium*, или литургія вѣрныхъ, предворяется цѣлованіемъ мира и двумя молитвами священника, имѣющими отношеніе къ этому акту. Это—*εὐχή ἀπλαστοῦ* и молитва предложенія. Указывая на древній обычай прино-

шенія даровъ, надъ которыми она произносилась, молитва эта теперь уже относится къ дарамъ, прежде приготовленнымъ; следовательно, этотъ актъ замѣнился проскомидією. За *praefatio* слѣдуетъ *anaphora*, или канонъ евхаристіи. Построеніе его—общее всѣмъ древнимъ литургіямъ; только относительно молитвъ за живыхъ и умершихъ должно замѣтить, что въ литургіи св. Марка онѣ предшествуютъ освященію, тогда какъ въ литургіяхъ антиохійской отрасли, наприм., въ литургіи ап. Іакова, и въ нашей Златоустовой онѣ слѣдуютъ за самымъ освященіемъ. Прибавленія къ этой части, болѣе видныя, состоятъ въ слѣдующемъ: послѣ молитвы о властяхъ предержащихъ въ духѣ древне-христіанскаго представленія слѣдуетъ другое прошеніе о томъ же, и это прошеніе выражается въ слѣдующихъ словахъ: „сохрани въ мирѣ царство раба твоего, православнаго и христіолюбиваго царя нашего“. Совершается воспоминаніе о пресвятой, пречистой, преблагословенной, славной... Богородицѣ... въ такихъ выраженіяхъ, которыя указываютъ на ясно изложенное ученіе о пресвятой Дѣвѣ противъ Несторія ¹⁾. Въ молитвѣ призванія Св. Духа для освященія хлѣба и вина обращеніе къ Св. Духу носитъ слѣды ясно развитаго ученія о Немъ противъ Македонія и излагается въ выраженіяхъ, заимствованныхъ изъ символа вѣры и отеческаго ученія о Св. Духѣ. Онъ называется Господомъ Животворящимъ, Утѣшителемъ, Духомъ истины, глаголавшимъ въ законѣ чрезъ пророковъ, единосущнымъ Отцу и отъ Него исходящимъ. Причащеніе св. даровъ предоставляется одному священнику и служащимъ съ нимъ, и ничего не говорится о причащеніи мірянъ. Упоминается о лжицѣ; слѣд., не изъ чаши принимали таинство, но по-теперешнему. Присоединимъ къ этому и ту особенность, что нѣкоторыя изъ молитвъ назначено читать священнику тайно—*μυστικῶς*; далѣе, что окончаніе всѣхъ вообще молитвъ и нѣкоторыя важнѣйшія возгласенія предписывается произносить *εκφώνως*, *clara voce*, въ слухъ всѣхъ и особенно сильно. Это уже вѣрные признаки послѣдующей церковной практики, которая предоставляетъ одному священнику совершеніе

¹⁾ Молитва: *Достойно есть яко воистину*—первая ея половиня X в., а вторая—VIII вѣка.

даровъ и отстраняеть присутствующихъ отъ участія въ молитвахъ его.

Что касается до литургіи коптскихъ, то онѣ не представляють значительныхъ разностей отъ изложеннаго нами типа греческой литургіи св. Марка, а если отличаются, то такъ же, какъ разные списки одной и той же литургіиной отрасли. Коптскія литургіи сохранили генетическую связь съ греческимъ литургіинымъ типомъ въ удержаніи возглашенія и формулъ греческихъ, наприм.: *εἰς προσευχήν*, *Κύριε ἐλέησον*, *εἰρήνη πᾶσιν* и друг. Все эти выраженія были очевидно до такой степени знакомы и понятны коптамъ вслѣдствіе давнишняго употребленія въ церковной практикѣ, что вошли безъ перевода въ ихъ національную литургію и удержались среди молитвъ и возглашеній на туземномъ языкѣ. Но, что существенно отличаетъ коптскія записи отъ греческихъ, такъ это прибавленія въ духъ монофизитскаго ученія, направленные противъ опредѣленій Халкидонскаго собора. Эти прибавленія сообщаютъ вѣроисповѣдной, сектантскій характеръ: коптскимъ литургіямъ и особый полемическій отпечатокъ. Объ этихъ прибавленіяхъ замѣтимъ слѣдующее. Они внесены въ такъ называемое исповѣданіе—*ὁμολογία*, *confessio*, то-есть въ молитву, которая читается священникомъ предъ причащеніемъ, и въ которой онѣ, объясняя свои грѣхи, исповѣдуетъ свою вѣру въ таинство тѣла и крови Христовыхъ. Первоначально это исповѣданіе было очень кратко: принимавшіи дары произносили слова: тѣло Христово, кровь Христова, и употребляли дары. Потомъ это исповѣданіе расширилось и преобразовалось въ цѣлую молитву. Въ эту-то молитву копты и внесли свое исповѣданіе вѣры, что было особенно удобно потому, что ученіе объ истинномъ тѣлѣ и крови Христовой въ евхаристіи связывалось съ ученіемъ о воплощеніи, а этотъ догматъ и былъ, какъ извѣстно, спорнымъ предметомъ между монофизитами и православными. Формула исповѣданія заключена въ слѣдующихъ словахъ: вѣрую, что сія есть истинная плоть, которую Христосъ заимствовалъ отъ Дѣвы Пресв. и содѣлалъ ее единою съ божествомъ Своимъ не чрезъ сліяніе или смѣшеніе или измѣненіе: вѣрую, что божество Твое никогда не отдѣлялось отъ челоуѣчества, ни даже на единое мгновеніе. Эта догматическая формула, очевидно, составлена въ смыслѣ монофизит-

ства и, такъ сказать, увѣковѣчена въ литургіи. Еще подробнѣе и съ большею опредѣленностію излагается это ученіе въ молитвѣ преломленія хлѣба предъ освященіемъ даровъ; въ ней говорится: не въ двухъ естествахъ познаваемыи; но единъ Господь, едино существо, едина воля, едино естество Бога Слова воплотившееся. Все это формулы, изъ-за которыхъ въ эпоху христологическихъ споровъ шла горячая борьба между православными и сектантами, и которая отчасти нашла себѣ примѣненіе въ области нашей церковной гимнографіи. Этимъ вѣроисповѣднымъ признакомъ и можно отличить литургіи православныя отъ коптскихъ, еретическихъ.

Обращаемся теперь къ обзорнѣю сирійско-палестинской отрасли литургіи, сохранившихся до насъ частію на греческомъ, частію на сирскомъ языкѣ. Всѣ эти литургіи носятъ ясныя слѣды позднѣйшаго происхожденія, испорчены позднѣйшими вставками, изъ которыхъ очень трудно выдѣлить ихъ древнѣйшую основу, первоначальный текстъ ¹⁾. Эта порча особенно чувствительна потому, что для анализа литургійныхъ формъ сирійско-палестинской отрасли мы не имѣемъ такой записи, краткой и примитивной, которую даетъ намъ для литургіи египетско-александрійской фамилии списокъ, изданный Людольфомъ. Прежде, чѣмъ познакоимся съ извѣстными памятниками сирійско-палестинскаго литургійнаго типа, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ предварительныхъ замѣчаній.

Церковное преданіе связало литургіи сирійско-палестинской отрасли съ именемъ ап. Іакова, брата Господня, и, конечно, потому, что дѣятельность этого апостола была сосре-

¹⁾ Добраться до первоосновы литургіи сирійско-палестинской отрасли, за неимѣніемъ положительнаго критерія, столь же трудно, какъ и до первоосновы литургіи египетско-александрійской фамилии, а заниматься урѣзываніемъ и сокращеніемъ оставшихся списковъ по рецепту сравнительной литургической критики Бунзена едва ли будетъ занятіемъ благодарнымъ и полезнымъ. Выдѣлить позднѣйшія наслоенія въ родѣ указавшихъ (въ Калабр. сп. литургіи Марка), конечно, не трудно, но добиться путемъ такого урѣзыванія до научной первоосновы—путь очень невѣрный и субъективный, и потому приходится ограничиваться указаніемъ на выдающіеся образцы этой литургійной отрасли и на ея древнѣйшихъ представителей.

доточена въ Іерусалимѣ и Палестинѣ, что ап. Іаковъ считался первымъ епископомъ Іерусалимскимъ: по этому имени суждено было затѣмъ выдержать соперничество съ другимъ болѣе извѣстнымъ въ церковной практикѣ, именно, съ именемъ Игнатія Антиохійскаго. По свидѣтельству древняго преданія, этотъ послѣдній установилъ, по божественному вдохновенію, порядокъ литургіи въ своей церкви и ввелъ антифонное пѣніе. И, дѣйствительно, попеременно псалмопѣніе составляетъ характеристическую особенность антиохійскаго ритуала съ самыхъ древнихъ его формъ. Антиохіи принадлежитъ также и первое введеніе трисвятого, а отсюда это славословіе перешло въ александрійскую литургію и распространилось по всей Малой Азійи и Византіи. Всѣ эти свѣдѣнія о литургической роли Антиохійской церкви значительно подкрѣпляются письменными свидѣтельствами того времени; но о нихъ послѣ, а теперь перечислимъ главные источники, въ которыхъ сохранилась до насъ эта литургійная отрасль. Количество литургій этой отрасли очень значительно, и большая часть изъ нихъ находится въ употребленіи или сохранилась въ записяхъ у сирійскихъ сектантовъ яковитовъ и обязана своею извѣстностію ученымъ сирскимъ издателямъ Аврааму Эхелленскому и Ассеману, къ которымъ примыкаетъ цѣлая группа менѣе извѣстныхъ литургистовъ - издателей. Число этихъ литургій, по словамъ Авраама Эхелленскаго, простирается до пятидесяти слишкомъ; изъ нихъ болѣе тридцати перечислены имъ. Рендотъ въ своемъ изданіи: *Liturgiarum orientalium collectio*, во второмъ томѣ, помѣстилъ до сорока сирскихъ литургій подъ разными названіями; но онъ размѣстилъ ихъ безъ всякой системы и, снабдивъ комментаріями относительно деталей, не сдѣлалъ цѣльной критической оцѣнки. Въ римскихъ изданіяхъ допущена была фальсификація особенно въ передачѣ словъ установленія таинства и въ молитвѣ призванія Св. Духа. Измѣненія были сдѣланы въ духѣ римской догматики и преслѣдовали вѣроисповѣдныя цѣли. Я не буду перечислять всего множества памятниковъ сирійско-палестинской литургіи, а остановлюсь на тѣхъ изъ нихъ, которые могутъ служить древнѣйшимъ матеріаломъ для изученія этого литургійнаго типа и представляютъ его въ наиболѣе развитой формѣ. Во главѣ этихъ памятниковъ слѣдуетъ поставить

извѣстное описаніе литургіи Іерусалимской церкви, сдѣланное Кирилломъ Іерусалимскимъ въ его пятомъ тайноводственномъ поученіи. Это описаніе, для котораго мы имѣемъ точный хронологическій критерій, должно составлять какъ бы вступленіе въ историческое изученіе сирійско-антиохійской литургіи и служить основнымъ камнемъ для критическаго анализа этой послѣдней отрасли.

Кириллъ Іерусалимскій, подобно Іустину, представляетъ лишь общую схему современной ему литургіи. Не входя въ подробное изложеніе ея содержанія, не излагая молитвъ и обрядовъ *in extenso*, онъ только передаетъ ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ и общемъ очеркѣ. Іерусалимскій катехетъ начинается со второй части литургіи и доходитъ до причащенія.—Діаконъ, подавъ воду для омовенія епископу и пресвитерамъ, окружающимъ престолъ, возглашаетъ: обнимите, примите и лобзайте другъ друга (это *osculum pacis*). Затѣмъ слѣдуетъ *praefatio*, начинающееся возгласомъ священника: горѣ сердца, на что присутствующіе отвѣчаютъ: имамы ко Господу (припомнимъ, что этимъ же возгласомъ начинается *praefatio* и у Кипріана). Священникъ: благодаримъ Господа, и получаетъ на это краткій отвѣтъ: достойно и праведно есть. Что касается до слѣдующей затѣмъ благодарственной молитвы, произносимой священникомъ, то Кириллъ Іерусалимскій даетъ указаніе на ея содержаніе, когда говоритъ: „послѣ того мы воспоминаемъ о небѣ, о землѣ и морѣ, о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, о всей разумной и неразумной, видимой и невидимой твари; воспоминаемъ объ ангелахъ, архангелахъ, силахъ, господствахъ, властяхъ, херувимахъ, серафимахъ, которые предстоятъ окрестъ престола Божія, летаютъ и говорятъ: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ“. Чтобы понять смыслъ этого краткаго обозначенія содержанія первой благодарственной молитвы, надобно взять ее въ связи съ другими произведеніями антиохійской литургіи, и мы увидимъ тогда, что эти выраженія оправдываются послѣдними. Въ литургіяхъ ап. Іакова и Апостольскихъ Постановленій соответствующая молитва состоитъ въ названіи разнаго рода существъ, земныхъ и небесныхъ, прославляющихъ Господа, и это перечисленіе излагается почти въ томъ же порядкѣ и заканчивается тѣмъ же серафимскимъ гимномъ, который мы слышимъ и въ поученіи Кирилла Іерусалим-

скаго. Затѣмъ, по словамъ послѣдняго, слѣдовало призываніе Св. Духа, „да сотворить хлѣбъ тѣломъ Христовымъ, а вино кровію Христовою“¹⁾. Потомъ, говоритъ Кирилль Іерусалимскій, мы молимъ Бога о мирѣ церквей, о благосостояніи міра, о царяхъ, войнахъ (перечисляются еще другіе предметы молитвы, относящіеся къ живымъ членамъ церкви); „потомъ *поминаемъ* и прежде почившихъ: во-первыхъ. патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, чтобы ихъ молитвами и ходатайствомъ Богъ принялъ молитву нашу“. Это формула воспоминанія (*μνησθεόμεν*) о святыхъ. Потомъ молимъ, приносимъ о (*ὄπιόν*) преставившихся отцахъ, епископахъ, и вообще о всѣхъ прежде почившихъ, въ убѣжденіи, что великая будетъ польза душамъ, о которыхъ моленіе приносимъ въ то время, когда предлежитъ святая и страшная жертва“. Засимъ читалась молитва Господня. Священникъ возглашалъ: святая, святымъ; народъ отвѣчалъ тѣмъ же гимномъ, какъ и въ нашей литургіи: Единъ святъ и т. д. „Затѣмъ“, продолжаетъ Кирилль Іерусалимскій, „ты слышишь пѣвца, который божественнымъ псалмопѣніемъ приглашаетъ тебя къ принятію св. таинъ и говоритъ: вкусите и видите, яко благъ Господь“. Вотъ причастный стихъ и его древность. Далѣе подробно описывается самый способъ причащенія. За причащеніемъ слѣдовала благодарственная молитва, на которой Кирилль Іерусалимскій и заканчиваетъ свое изложеніе чина литургіи.

Другимъ документомъ для знакомства съ составомъ и особенностями древней литургіи Сирійской церкви служить толкованіе на литургію, составленное Іаковомъ, епископомъ Эдесскимъ, въ половинѣ VII в. Іаковъ Эдесскій—одинъ изъ плодovitѣйшихъ писателей своего времени, называемый въ сирской хроникѣ Діонисія *interpres et commentator librorum*, отличный знатокъ сирскаго языка, для котораго составилъ и грамматику, составитель одной изъ хроникъ своего времени, переводчикъ литургіи съ греческаго на сирійскій и толкователь литургическихъ обрядовъ. Онъ извѣстенъ въ исторіи литургіи главнымъ образомъ по своему писью *ad Thomam presbyterum de ritu missae Syrorum*, помѣщенному въ первомъ томѣ *Bibliothecae orientalis* Ассемана, въ которомъ

¹⁾ Ибо то, чего касается Духъ, освящается и прелагается.

даеть сжатый, но толково составленный очеркъ литургіи своего времени и своей области, при чемъ дѣлаеть историческія замѣчанія объ особенностяхъ александрійской и антиохійской отрасли литургій. Въ этой литургіи (т.-е. Іакова Эдесскаго) мы находимъ сформировавшимися всѣ главныя части нашей теперешней литургіи и большую часть молитвъ, составляющихъ ея теперешнее содержаніе. Впрочемъ первая часть, какъ видно изъ объясненій нашего автора, еще не успѣла установиться вполнѣ; по словамъ Іакова Эдесскаго. литургія начиналась чтеніями изъ Ветхаго и Новаго Завета. за которыми слѣдовали три молитвы, соответственно тремъ классамъ лицъ, не имѣвшихъ права слушать всей литургіи. именно, молитвы за слушающихъ, бѣсноватыхъ и кающихся. при чемъ діаконы, какъ бы имѣя въ виду предъ собою дѣйствительныхъ представителей этихъ трехъ классовъ, отсылали изъ церкви: *ite audientes, abite energumeni, abite poenitentes.* „Но этотъ обычай“, прибавляетъ отъ себя Іаковъ Эдесскій. „уже вышелъ изъ употребленія; если діаконы и упоминають объ этихъ лицахъ, то уже по воспоминанію о древнемъ обычай“. Затѣмъ діаконъ возглашалъ: *заприте двери—claudantur januae*, и начиналась литургія вѣрныхъ. Во главѣ ея стояло исповѣданіе вѣры словами Никейскаго символа, введенное въ практику Антиохійской церкви Петромъ Фуллономъ, патріархомъ монофизитскимъ, въ VI вѣкѣ. Затѣмъ произносились три молитвы вѣрныхъ, изъ которыхъ впоследствии каждая получила свое особенное названіе: первая стала называться молитвою мира (*oratio osculi pacis*), вторая—молитвою возложенія рукъ и третья—молитвою при раскрытіи антиминса. По окончаніи этихъ молитвъ, діаконъ возглашалъ: *σὺμεν καλῶς*. Священникъ, преподавая благословеніе народу, произносилъ *graeatio* въ полной формѣ, въ выраженіяхъ, сходныхъ съ нашею литургіею Василия Вел. и Златоуста. Затѣмъ начинался самый канонъ евхаристіи съ молитвою о ниспосланіи Св. Духа (актъ преломленія хлѣба и возвышенія его—*elevatio*), за которою наступало поминovenіе живыхъ и умершихъ—*commemorations*. Затѣмъ слѣдовало причащеніе съ исповѣданіемъ и молитвою благодарственной. Что касается до второй части литургіи, то не приводя всего очерка ея по изображенію Іакова Эдесскаго, сдѣлаемъ лишь замѣчаніе относите: по разности во времени поминovenія

живыхъ и умершихъ. „Живущіе въ столицѣ (т.-е. Константинополѣ), также въ греческихъ областяхъ“, говоритъ намъ комментаторъ, „держатся одинаковаго съ нами обычая. именно: сначала совершаютъ освященіе евхаристіи и потомъ совершаютъ поминовение; но иначе поступаютъ александрійцы, которые сначала поминаютъ (*commemorationem faciunt*), а затѣмъ уже совершаютъ евхаристію“.

Къ той же антиохійской отрасли литургіи принадлежать литургія, помѣщенная въ Апостольскихъ Постановленіяхъ. и литургія ап. Іакова. Первая имѣетъ особенно важное значеніе, какъ одна изъ древнѣйшихъ полныхъ записей литургіи; послѣдняя—по особенному уваженію, какимъ пользовалась на Востокѣ, и по тѣмъ спорамъ, которые она возбуждала въ ученomъ мѣрѣ.—Что касается до литургіи Апостольскихъ Постановленій, то она дошла до насъ въ двухъ записяхъ: краткой и пространной; первая изложена во второй книгѣ этого сборника, послѣдняя—въ восьмой. Сравненіе обѣихъ записей между собою убѣждаетъ насъ, что между ними самая близкая генетическая связь, и что послѣдняя, распространенная, запись VIII-й книги *Constitutionum* построена совершенно по плану краткой редакціи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь первая часть литургіи имѣетъ подвижной, переменный составъ и изложена въ общемъ суммарномъ очеркѣ. Какъ во второй, такъ и въ послѣдней книгѣ Постановленій говорится о выходѣ оглашенныхъ изъ церкви, но съ тою разницею, что въ послѣдней книгѣ этотъ обрядъ излагается со многими подробностями, которыя указываютъ на позднѣйшее происхожденіе самаго ритуала. Сдѣлаемъ нѣсколько такихъ сравненій. Такъ, во второй книгѣ относительно названнаго обряда замѣчено кратко: „послѣ того, по выходѣ оглашенныхъ и кающихся, мы молимся“... Въ пространной редакціи говорится, что діаконь, ставши на возвышенномъ мѣстѣ, возглашалъ: *ne quis audientium, ne quis infidelium...* Въ прежнихъ чтеніяхъ мы показали, что во времена Тертуліана и Кипріана произошло раздѣленіе литургіи на двѣ части: одну для оглашенныхъ, другую для однихъ вѣрныхъ. Вторая книга Постановленій вмѣстѣ съ литургіею произошла въ ближайшее къ этой эпохѣ время, потому и упоминаетъ объ оглашенныхъ кратко. Въ VIII книгѣ, имѣющей болѣе позднее происхожденіе, не только упоминается о выходѣ

оглашенныхъ изъ церкви. но перечисляются самые классы ихъ, подробно представляется порядокъ выхода оглашенныхъ, и излагаются самыя молитвы, произносившіяся при этомъ епископомъ и всею общиною въ лицѣ діакона. Здѣсь перечисляются четыре класса лицъ, недостойныхъ участвовать вмѣстѣ съ вѣрными при совершеніи евхаристіи: оглашенные, бѣсноватые, готовящіеся къ крещенію и кающіеся.— Созданныя подъ одинаковыми и строгими условіями disciplinae arcana краткая и пространныя записи литургіи второй и восьмой книги Апост. Постановленій даютъ предписаніе объ охраненіи дверей церкви отъ непосвященныхъ и невѣрныхъ и равно призываютъ вѣрныхъ къ общей молитвѣ словами діакона: *ὁμοί λιθοί, κλίνομεν ὑόνο καί δεηθῶμεν*. Но опять въ II-й книгѣ Постановленій содержаніе этой молитвы вѣрныхъ не излагается, между тѣмъ какъ въ VIII книгѣ приводится цѣлый рядъ прошеній, изъ которыхъ открывается сводный, эклектичeskій характеръ пространной литургіи Constitutionum, совмѣщающій элементы древне-церковной практики съ позднѣйшими прибавленіями. Къ первымъ принадлежатъ, на примѣръ, прошенія о принесихъ Господу Богу нашему жертвы и начатки, о находящихся въ рудникахъ, въ ссылкѣ, подъ стражею и въ оковахъ за имя Господне. Ко второму роду слѣдуетъ отнести прошенія о святой каволической и апостольской церкви, о мѣстной епархіи, о чтецахъ, пѣвцахъ и заклинателяхъ. Приношеніе даровъ къ алтарю также обставлено нѣкоторыми подробностями, указывающими на широкое развитіе обрядовой обстановки этого акта, а слѣдовательно, и на условія позднѣйшей церковной практики. Діаконы приносятъ дары епископу, читаемъ здѣсь, на жертвенникъ; пресвитеры стоятъ по правую и лѣвую сторону, какъ ученики, предстоящіе учителю; два діакона по сторонамъ вѣютъ надъ св. дарами рипидами, или опашалами изъ тонкой ткани (птичьихъ перьевъ), отгоняя мошекъ и насекомыхъ. Епископъ облеченъ въ свѣтлую блестящую одежду, стоитъ передъ престоломъ и полагаетъ на челѣ знаменіе креста и произноситъ пространныя молитвы канона евхаристіи. Что касается до канона евхаристіи, то онъ заключаетъ въ себѣ тѣ же главныя части, которыя мы нашли въ памятникѣхъ предшествующаго времени и воспроизвели на основаніи свидѣтельствъ Тертуліана и Кипріяна, такъ что раз-

сма­три­вае­мая съ э­той сто­ро­ны ли­тур­гія послѣдней кни­ги Апосто­льскихъ По­ста­но­в­ле­ній имѣетъ за со­бою при­зна­ки почтенной древности и обнару­жи­ва­етъ очень ясно свою древне-хри­сти­ан­скую основу. Это сообра­же­ніе еще болѣе под­твер­жда­ет­ся внут­рен­ними при­зна­ками, за­клю­чаю­щи­ми­ся въ са­момъ со­дер­жа­ніи раз­сма­три­вае­ма­го па­мят­ни­ка. Здѣсь мно­го пред­ста­в­ле­ній, за­им­ст­во­ван­ныхъ изъ обла­сти перво-хри­сти­ан­ска­го мі­ро­созер­ца­нія, на­при­мѣръ: частое упо­треб­ле­ніе слова *δῶρον, δῶρα* въ смы­слѣ ев­ха­ри­стическихъ при­но­ше­ній. О да­рахъ ев­ха­ри­стии го­во­ри­тъ­ся въ та­кихъ вы­ра­же­ні­яхъ: „при­но­симъ Тебѣ сей хлѣбъ и сію чашу“ (вм. *ἑσθίαν*). Далѣе при­но­сится бла­го­да­ре­ніе Бо­гу за то, что Онъ удо­сто­илъ насъ пред­сто­ять Его жерт­вен­ни­ку и свя­щен­но­слу­жить Ему,—пред­ста­в­ле­ніе род­ствен­ное идеѣ все­обща­го свя­щен­ства. Вѣр­ные мо­ля­тъ­ся, „да удо­сто­итъ ихъ Гос­подь быть уча­ст­ни­ками въ стра­да­ні­яхъ му­чени­ковъ“. На­ко­нецъ, са­мая не­у­ста­но­вив­шая­ся бо­го­сло­в­ская тер­ми­но­ло­гія, черты мо­нар­хіан­ска­го (по­лу­аріан­ска­го) воз­в­рѣ­нія на ли­цо І. Хри­ста, какъ слу­жеб­ное ору­діе Бо­га От­ца,—все это можетъ слу­жить до­ка­за­тель­ствомъ древ­ня­го про­ис­хо­жде­нія на­шей ли­тур­гіи, что ка­сает­ся до ея ос­нов­но­го об­ща­го типа. Но въ то же время эта об­щая основа, э­тотъ перво-хри­сти­ан­скій элементъ въ на­шей ли­тур­гіи за­сло­ненъ по­дроб­но­стями и до­пол­не­ні­ями, за­им­ст­во­ван­ными изъ позднѣйшей цер­ков­ной прак­тики, ри­торическою ам­пли­фика­ціею. Отъ э­того не­значительная по сво­ему со­ста­ву и со­дер­жа­нію ли­тур­гія Апосто­льскихъ По­ста­но­в­ле­ній по сво­ему из­ло­же­нію пред­ста­в­ляетъ едва ли не са­мую про­стран­ную ли­тур­гическую за­пись изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ, не­смотря на то, что она об­ни­маетъ толь­ко со­дер­жа­ніе ка­но­на ев­ха­ри­стии, не имѣетъ про­с­ко­мидіи и мно­гихъ мо­литвъ ли­тур­гіи огла­щен­ныхъ. Со­ста­витель э­той за­писи, какъ видно, стоялъ подъ силь­нымъ влі­я­ніемъ какой-либо простѣйшей древне-хри­сти­ан­ской схемы ли­тур­гіи и на основѣ ея со­ста­вилъ свое, чрез­вы­чай­но про­стран­ное из­ло­же­ніе ли­тур­гійна­го чина. Что­бы по­нять, какъ далеко про­сти­ра­ет­ся въ раз­сма­три­вае­мой нами за­писи э­та ам­пли­фика­ція, до­воль­но взять для со­обра­же­нія бла­го­дар­ствен­ную мо­лит­ву послѣ словъ: „Досто­йно и пра­ведно“ и срав­нить ея со­дер­жа­ніе съ тѣми же мо­лит­вами въ со­вре­мен­ныхъ ли­тур­гіяхъ Алек­сан­дрійской и Римской цер­кви. Въ э­томъ от­но­ше­ніи ли­тур­гія Апосто­льскихъ По­

становленіи оставляетъ далеко позади себя сравниваемые образцы и представляетъ блестящій опытъ этой системы амплификаціи. Прослѣдимъ для этой цѣли содержаніе названной нами молитвы. Въ отвѣтъ на восклицаніе народа: „достойно и праведно благодарить Господа“ священникъ исчисляетъ побужденія, руководящія человѣкомъ при совершеніи этого благодарственнаго акта. Но прежде, чѣмъ перейти къ главной мысли молитвы, составитель ея останавливается на исчисленіи различныхъ чертъ или свойствъ Божіихъ и влагаетъ въ свою рѣчь множество догматическихъ сентенцій, выясняющихъ идею о Богѣ. Вотъ, наприм., нѣкоторые изъ этихъ эпитетовъ: *безначальное, вѣчное вѣдѣніе, нерожденный отецъ, непостижимая мудрость* и т. п. Исчисляя затѣмъ предметы Божіихъ благодѣяній, побуждающихъ человѣка къ благодарности, онъ останавливается на самыхъ первыхъ актахъ Божественной дѣятельности—на сотвореніи міра, и, такъ какъ это дѣло было совершено чрезъ Сына, то изображаются особыя свойства Сына, какъ лица Божественнаго, и Его отношеніе къ Отцу. Далѣе говорится о созданіи чрезъ Сына ангельскихъ чиновъ и различныхъ предметовъ царства природы. Перечисленіе этихъ предметовъ отличается крайнею дробностію, сухостію и представляетъ по мѣстамъ какую-то номенклатуру. Затѣмъ молитва переходитъ къ созданію человѣка и описываетъ подробно самый актъ сотворенія, составъ человѣка, его душевныя и тѣлесныя совершенства; изображаетъ рай, грѣхопаденіе первыхъ людей, исторію семейства и потомства Адамова; повѣствуетъ главныя событія изъ жизни патріарховъ, судьбу народа Божія въ Египтѣ и благодѣянія во время исхода оттуда. Указавъ затѣмъ на хваленіе Бога различными ангельскими чинами, составитель молитвы переходитъ къ исторіи искушенія, при чемъ представляетъ Христа хотя и едиnorodнымъ Сыномъ Божіимъ, рожденнымъ прежде всѣхъ вѣковъ, но въ чертахъ подчиненнаго, низшаго, служебнаго лица (*ministrantis*) ¹⁾ и безъ тѣхъ опредѣлительныхъ чертъ, въ какихъ изображается отношеніе Сына къ Отцу по смыслу опредѣленія Никейскаго собора и отцевъ IV в. Это воззрѣніе, сходное съ

¹⁾ О Духѣ Св. выражается въ томъ же смыслѣ. См. молитву епископа еадѣ преклонившими главы оглашенными.

полуарианскимъ, представляетъ еще неразвитое ученіе о лицѣ Христовомъ и составляетъ одинъ изъ признаковъ ранняго происхожденія нашей редакціи литургіи. Излагая въ общихъ чертахъ исторію земной жизни Спасителя, молитва останавливается на послѣднихъ ея событіяхъ, по установленіи таинства евхаристіи, и уже сравнительно короче и ближе къ нашему настоящему канону евхаристіи излагаетъ формулу призванія Св. Духа и молитву за живыхъ и умершихъ членовъ церкви Христовой. Изъ этого анализа легко усмотрѣть также, что общее содержаніе благодарственной молитвы послѣ *praefatio* въ литургіи Апостольскихъ Постановленій тождественно съ другими литургіями, что само собою указываетъ на одну общую историческую основу, по которой располагается содержаніе евхаристическихъ молитвъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что какъ литургія св. Марка составляетъ развитіе древняго литургійнаго типа Александрійской церкви по редакціи, близкой къ списку Людольфову, такъ точно и литургія, изложенная въ VIII книгѣ Постановленій, есть дополненная, распространенная редакція апостольской литургіи, отличающаяся столь многословнымъ, такимъ растянутымъ и риторическимъ изложеніемъ молитвъ канона евхаристіи, что является даже сомнѣніе, употреблялась ли литургія Апостольскихъ Постановленій на практикѣ и не была ли она искусственною амплификаціей на готовую литургійную тему?—Мы могли бы на этомъ и покончить съ литургіею сирійско-палестинскою, если бы между нея многочисленными списками не оказывалось литургіи весьма важной по ея отношенію къ нынѣ употребляющейся у насъ,—разумѣемъ такъ назыв. литургію ап. Іакова.

Преданіе о происхожденіи іерусалимской литургіи отъ ап. Іакова идетъ съ очень давняго времени и впервые было заявлено Епифаніемъ и Константинопольскимъ патріархомъ Прокломъ, однимъ изъ ближайшихъ преемниковъ Златоуста. Епифаній, сказавши, что апостолы были проповѣдниками евангелія по вселенной, прибавляетъ, что они же были и установителями таинствъ вмѣстѣ съ Іаковомъ, епископомъ іерусалимскимъ. Прокль въ числѣ составителей литургіи или, лучше сказать, во главѣ ихъ ставитъ имя ап. Іакова, которому вѣрено было управленіе церковью іерусалимскою. Далѣе, о немъ, какъ о составителѣ литургіи, упоминаетъ.

Трулльскій соборъ въ 32 правилѣ. Соборъ обличаетъ армянъ не соединявшихъ въ евхаристіи вино съ водою, авторитетомъ апостола Іакова и Василія Великаго, которые повелѣли такъ творить въ таинственномъ священнодѣйствіи, преданкомъ имицисъменно. Не говоримъ о свидѣтельствахъ изъ позднѣйшаго времени, которыя отправляются уже отъ названныхъ нами извѣстій и составлены въ смыслѣ подлиннаго происхожденія этой литургіи отъ ап. Іакова. Въ основѣ этого преданія лежитъ та совершенно вѣрная исторически мысль, что Іерусалимская церковь имѣла свою раннюю мѣстную литургію, которая держалась на апостольской основѣ; а такъ какъ ап. Іаковъ былъ первымъ епископомъ Іерусалимскимъ, то естественно была связана съ именемъ его, какъ составителя. Если для подобнаго заключенія и можетъ быть основаніе въ какой-нибудь первоначальной записи іерусалимской литургіи, записи, воспроизводившей подлинный чинъ тогдашняго времени и теперь потерянной,—къ сожалѣнію, этого нельзя сказать относительно литургіи ап. Іакова, извѣстной теперь съ его именемъ. Въ этомъ видѣ она несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, носить слѣды очевидныхъ анахронизмовъ и обставлена такими подробностями, которыя могли появиться лишь въ эпоху значительной обрядовой зрѣлости. Замѣчательно въ ней отсутствіе гебраизмовъ, которые несомнѣнно должны были имѣть мѣсто въ изложеніи литургійныхъ молитвъ для христіанъ изъ іудеевъ. Даже допустивъ и очень раннюю установку греческаго богослужебнаго языка, даже признавъ несомнѣнный перевѣсъ его передъ другими языками въ изложеніи литургіи, все же придется согласиться, что изложеніе литургіи Іаковлевоѣ относится къ тому времени, когда уже исчезли слѣды первоначальнаго назначенія этой литургіи для христіанъ изъ іудеевъ, и греческій языкъ сдѣлался господствующимъ. Признаки ея мѣстнаго употребленія сохранились въ другомъ родѣ и даютъ себя чувствовать въ нѣкоторыхъ указаніяхъ—если такъ можно выразиться, топографическихъ. Такъ, въ ней встрѣчается указаніе на Іерусалимъ и его предстоятелей. Въ соотвѣтствіи земному—небесный Іерусалимъ призывается хвалить Бога. Въ молитвѣ по освященіи даровъ священникъ молится „за святыхъ Твоихъ мѣста, которыя Ты прославилъ богоявленіемъ Христа Твоего, и за Сіонъ святой,

мать всѣхъ церквей“. Въ другой молитвѣ священникъ проситъ Бога вспомнать учителей вѣры, которые проповѣдывали слово истины, начиная съ Іакова, князя епископовъ, апостола и мученика. Между святыми на первомъ мѣстѣ поставленъ Іоаннъ Предтеча и первомученикъ Стефанъ. Эти указанія, переживъ цѣлыя столѣтія, остались живыми свидѣтелями іерусалимской генеалогіи разсматриваемой нами литургіи и приурочиваютъ ея употребленіе къ странамъ Палестинскимъ.

Что сказать о теперешнемъ составѣ этой литургіи? Она сохранилась до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ и представляетъ двѣ записи: краткую и пространную. Первая сохранилась на сирскомъ языкѣ и была въ употребленіи у сирійцевъ, не знавшихъ греческаго языка; вторая извѣстна въ греческихъ спискахъ, изъ которыхъ самыми ранними считаются списки Мессинскій, найденный въ Сициліи, и Россанскій, вывезенный изъ Калабріи, съ юга Италіи. Это показываетъ, что они были здѣсь въ употребленіи у южно-италійскихъ грековъ. Мессинскій списокъ относится къ концу X вѣка, а Россанскій—къ XII. Въ этой полной редакціи литургія Іакова изложена съ такими подробностями, которыя на много столѣтій отдаляютъ ее отъ апостольскаго періода и переносятъ въ область широко развитаго церковнаго обряда. Подобное основаніе для сомнѣній въ подлинности можетъ, пожалуй, показаться слабымъ, именно относительно литургіи ап. Іакова, такъ какъ извѣстно, что и въ IV вѣкѣ она уже достигла такихъ обширныхъ размѣровъ, что побудила Василія Великаго заняться ея сокращеніемъ. Но не полнота въ изложеніи, какъ таковая, въ данномъ случаѣ можетъ служить признакомъ неподлинности, а наличность такихъ частей обряда, которыя не могли принадлежать ближайшему послѣ-апостольскому времени. Молитвы на литургіи Апостольскихъ Постановленій очень длинны и многословны, изложеніе ихъ занимаетъ очень много мѣста, но это не мѣшаетъ признавать литургію VIII книги Постановленій за памятникъ конца III или начала IV вѣка. Но иное придется сказать, когда мы разберемъ составъ греческихъ литургій ап. Іакова по названнымъ нами спискамъ и познакоимся съ ея содержаніемъ изъ самаго текста. Первые молитвы отмѣчаютъ ходъ священника отъ порога церкви къ престолу и обозначаютъ раз-

ныя стадіи этого пути, если судить по надписямъ надъ молитвами, или, по меньшей мѣрѣ, ихъ неудачное скопленіе. Было совершенно въ порядкѣ вещей открыть литургію молитвою священника за себя, но мы долго не знаемъ этихъ молитвъ въ литургійныхъ записяхъ, да еще при томъ съ такимъ полнымъ славословіемъ, которое могло явиться не прежде 2-го Вселенскаго собора: „благословенъ Ты со святымъ и благимъ и животворящимъ и единосущнымъ Твоимъ Духомъ“. Въ молитвѣ ѳиміама, т.-е. при началіи кажденія, надъ принесеннымъ ладаномъ говорится о Христѣ, что Онъ есть двухъестественный уголь, коснувшійся усть пророка, и такимъ образомъ различаются въ Немъ два естества. Согласно съ древними литургіями, литургія открывается молитвами: входа сначала народа и священника въ церковь, а потомъ послѣдняго въ алтарь, къ престолу. Но къ чему тутъ обмѣнъ благожеланій между священникомъ и діакономъ, напоминающій соборное теперешнее служеніе и, очевидно, взятый изъ какого-нибудь поздняго служебника. Далѣе пѣснь: Единородный Сыне, трисвятое съ относящейся къ нему молитвой, керувимская пѣснь и ни слова объ оглашенныхъ, какъ будто ихъ и не было. Послѣ перенесенія св. даровъ на престолъ опять молитвы о неосужденномъ предстояніи престолу; по освященіи даровъ указывается, какъ и въ какомъ порядкѣ священникъ раздробляетъ агнца и кладетъ его въ потиръ; причащеніе совершается посредствомъ лжицы; перенесеніе остатковъ въ скевофилакій; и все это заканчивается покаянною молитвою изъ требника.—Даже въ краткой записи, гдѣ устранены многія позднѣйшія дополненія, и опускается изложеніе всей первой части, при ближайшемъ ея разсмотрѣніи оказываются позднѣйшія наросты и слѣды позднѣйшаго церковнаго языка: напримѣръ, Пресв. Дѣва называется *Θετόκος*, Духъ Св.—единосущнымъ со Отцомъ и Сыномъ; содержится молитва о вѣрныхъ царяхъ и христіанахъ, создавшихъ монастыри во всѣхъ странахъ міра.
